

В.К. Кельмаков

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ В ПОВОЛЖСКО-ПРИУРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

Рец. на: Мукимова Н.А. *Финно-угорские заимствования в башкирском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2014. – 215 с.*

Общеизвестно многовековое контактирование группы восточнофинских (пермских, марийских и мордовских) и трех тюркских (татарского, чувашского и башкирского) языков, развивающихся в Поволжско-Приуральском регионе – в составе так называемого Волго-Камского языкового союза, о существовании которого сообщается в ряде исследований различных финно-угроведов. Смутную или явную догадку об этом выразили финно-угровед Э. Беке в своей работе о влиянии тюркских языков на группу поволжско-приуральских финно-угорских языков в области синтаксиса [29], академик Б.А. Серебренников в ряде своих публикаций, в их числе в одной из своих ранних работ – о формировании видо-временных категорий в восточнофинских языках¹; положительно воспринимают данную проблему венгерский финно-угровед Г. Берецки², российские тюркологи М.З. Закиев, А.Г. Шайхулов и ряд др. Исследование взаимовлияния языков различных семей в пределах этого союза имеет уже длительную историю, причем в ней отчетливо обозначаются три этапа (периода).

Непосредственным толчком к исследованию проблем контактирования финно-угорских и тюркских языков Поволжья и Приуралья в области лексики послужило внедрение сравнительно-исторического метода в финно-угроведение во 2-й половине XIX в., когда ученые-компаративисты из финно-угроведов предельно ясно начали осознавать, что глубокое и всестороннее познание каждого из родственных языков, их происхождения и направлений развития может быть достигнуто лишь при сравнительном их изучении, что было бы невозможно при отсутствии в распоряжении ученых достаточного материала не только по относительно полно исследованным венгерскому, финскому, эстонскому, частично также и саамскому языкам, но и по всем другим финно-угорским и самодийским языкам Российской империи. И венгерским и финским ученым, как наиболее подготовленной гвардии финно-угроведов того времени, не осталось ничего другого, кроме как заняться во второй половине XIX – самом начале XX века исследованием в полевых условиях малоизученных уральских и тюркских народов, чтобы получить надежные сведения по их языку и фольклору.

На **первом этапе** (конец XIX – начало XX века) венгерский и финские ученые в серии своих статей и монографий ставили своей целью выявление тюркских лексических элементов в ряде восточнофинских языков: татарских в удмуртском – Б. Мункачи [32], тюркских в мордовских – Х. Паасонен [33], болгарских в удмуртском и коми – Ю. Вихманн [40], татарских и чувашских в марийском – М. Рясанен [34; 35] и Ю. Вихманн [41] и др.

Во второй половине XX столетия (**второй этап**) некоторые ученые-контактологи – как носители самих финно-угорских языков (преимущественно), в той или иной степени владеющие и тюркскими языками, так и тюркских (в частности чувашского) – вернулись к рассматриваемой проблеме вновь. Причем совокупность серьезных исследований этого периода в данном направлении можно делить на две группы: в одних работах уточняются или обобщаются сведения по отдельным пластам заимствованной лексики (К. Редее и А. Рона-Таш [37-39]; М.Р. Федотов [21; 22], Ш. Чуч [31] и др.); другая группа исследований этого периода посвящена выявлению предельно большего количества тюркизмов различного пласта в удмуртском [17-19; и др.], марийском [4; 5; 23] и мордовских [2] языках.

¹ В этой работе он считает необходимым “рассмотреть вопрос о генезисе глагольных времен в пермских и волжских финно-угорских языках и об исторических судьбах отдельных видовых классов общефинно-угорского языка-основы, учитывая как процессы их внутреннего развития в рамках одной языковой семьи, так и результаты взаимовлияния финно-угорских и тюркских языков в районе Волго-Камья как особой языковой зоны” [15. С. 4].

² “В результате длительного и сложного взаимовлияния тюркских и финно-угорских языков северо-восточного региона Европы возникли многочисленные общие черты, так что в связи с ними, несомненно, можем говорить о языковом ареале или языковом союзе. К рассматриваемому языковому ареалу относятся четыре финно-угорских – мордовские, марийский, удмуртский и коми – и три тюркских – чувашский, татарский и башкирский – языка. Между этими языками обнаруживаются весьма сложные контакты, результатом которых явились многочисленные общие черты” [30. С. 207].

Начатое еще в недрах первого и второго этапов исследования восточнофинско-тюркских языковых контактов по выявлению финно-угорских лексических вкраплений в самих тюркских языках становится ведущим направлением **на третьем этапе** (последняя треть XX – начало XXI столетия) контактологических исследований в области финно-угроведения и тюркологии. Эта работа оказалась под силу в первую очередь, естественно, специалистам-тюркологам. Выявлением заимствованного пласта финно-угорской лексики в этот период занимались такие исследователи, как Г.В. Лукоянов [7] и М.Р. Федотов [23] – марийских заимствований в чувашском языке; И.С. Насипов [10-13] – удмуртских, марийских и мордовских заимствований в татарском.

И в самое последнее время в круг исследователей рассматриваемой проблематики включилась Н.А. Мукимова со своей кандидатской диссертацией «Финно-угорские заимствования в башкирском языке», выполненной под руководством доктора филологических наук, доцента И.С. Насипова и защищенной в Башкирском государственном университете в 2014 году [9]. В качестве официальных оппонентов выступили доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета В.К. Кельмаков (г. Ижевск) и кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ РАН Г.Н. Ягафарова (г. Уфа).

Актуальность диссертационного исследования Н.А. Мукимовой заключается в том, что оно, весьма уместно восполняя существующую лауну в исследовании языковых контактов между восточнофинскими и поволжско-приуральскими тюркскими языками, органично вписывается, как справедливо пишется об этом во «Введении» [9. С. 7-8], в решение ряда задач башкироведения и уралолтаистики: 1) «определенные положения и материалы диссертационного исследования могут быть полезны при разработке отдельных разделов» «Историко-этимологического словаря башкирского языка», которая «включена в «Основные направления гуманитарных исследований в РБ» и в Государственную научно-техническую программу «Приоритеты духовного и социально-экономического развития РБ»»; 2) результаты исследований по данной теме могут быть использованы и при решении этногенетических теорий относительно происхождения башкирского народа; 3) «изучение особенностей взаимовлияния и взаимодействия тюркских и финно-угорских языков в Среднем Поволжье может помочь решить отдельные аспекты проблемы исторического развития башкирского, татарского, чувашского и марийского, мордовских, удмуртского языков как в рамках волго-камского языкового союза, так и целостного осмысления исторического развития алтайских и уральских языков в рамках теории урало-алтайского языкового родства» [12. С. 4].

Итак, рецензируемая диссертация состоит из введения, трех глав, выводов по каждой главе, заключения, списка использованной литературы и источников, списка сокращений языков и диалектов.

Во **Введении** [9. С. 5-14] обоснована *актуальность* темы диссертации, обозначены *объект, предмет* и *цель* диссертационной работы и те конкретные *задачи*, выполнение которых предполагает достижение поставленной *цели*, сформулированы *положения, выносимые на защиту*, указаны *методы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость* исследования. *Теоретической и методологической основой* диссертации послужили многочисленные публикации отечественных и зарубежных языковедов по проблемам контактологии, а также исследования тюркологов и финно-угроведов, посвященные взаимодействию тюркских и финно-угорских языков.

Первая глава – «Теоретические предпосылки исследования башкирско-финно-угорских языковых взаимосвязей» [9. С. 15-56] – посвящена ряду проблем истории башкирского народа и башкирского языкознания, таким как этногенетические связи башкир с некоторыми финно-угорскими народами, история изучения взаимосвязей финно-угорских языков с башкирским и некоторыми другими тюркскими языками, субстратный и суперстратный характер конкретных финно-угорских лексических элементов в башкирском языке и др. Здесь же автором диссертации представлены следующие критерии для верификации финно-угризм в башкирской лексике: «1) этимологическое решение – восстановление корня-основы; 2) семантическая идентичность; 3) фонетическое совпадение в соответствии с определенными параллелями; 4) функционирование слова в литературном языке или диалекте; 5) ареальное распространение» [9. С. 54]³. Однако на практике не все критерии, как мне представляется, в достаточной мере полно были использованы автором диссертации, чем и обусловлены некоторые спорные или

³ В работах других исследователей (см., напр.: [14. С. 192; 26. С. 21-22]) предлагается несколько иной, более четко выраженный, набор критериев: *фонетический, словообразовательный и семантический*, хотя и эти ученые ведущим все же признают фонетический.

порою ошибочные этимологии, представленные в ней. Сказанное касается в первую очередь **фонетического** критерия, являющегося, как утверждают специалисты, важнейшим в любых исследованиях этимологического характера, ср.: “Одним из самых элементарных и в то же время совершенно необходимых требований, предъявляемых к этимологическому исследованию, является требование фонетической доказательности любого этимологического сопоставления” [14. С. 192]; “Фонетический критерий является, пожалуй, самым традиционным и самым разработанным в этимологическом исследовании” [26. С. 22]. Или еще: “В современной этимологии, в отличие от античной, решающим является фонетический критерий. Если звуковая форма двух слов точно и согласно определенным правилам соответствует друг другу и может быть возведена к некоей праформе, то этот факт оказывается решающим, даже если обнаруживается расхождение в значениях этих слов. В то же время если два слова не могут быть возведены к общей праформе, то бессильно даже полное совпадение значений” [6. С. 212]. В последней цитате речь идет об использовании фонетических соответствий при этимологизации исконной лексики родственных языков, но они же, разумеется, с успехом могут быть применены и при опознавании заимствований из одного языка в другой неродственный.

Основу диссертационного исследования Н.А. Мукимовой, вне всякого сомнения, составляет **вторая глава** – «Систематизация лексических единиц финно-угорского происхождения в башкирском литературном языке и его диалектах» [9. С. 57-151]. В этой главе впервые в таком количестве представлен список предполагаемых финно-угорских лексических заимствований в башкирском языке, составленный автором диссертации на основе самых различных источников. Приятно удивляет то огромное количество теоретических работ и языковых источников, в особенности по башкирской лексикологии и лексикографии, публикации по отраслевой лексике, топонимике и т. п., а также по тюркологии, финно-угроведению, русистике и др., которые были использованы Н.А. Мукимовой для сбора и систематизации материалов по теме диссертации. При этом рецензента подкупает и то, что почти каждая словарная статья составлена с использованием предельно большого количества источников и научных публикаций, напр.: в словарной статье *кэрэз* ‘соты’ учтено 13 исследований и источников (с. 79), в статье *һөйән* ‘липовое дерево со снятой корой’ – 16 работ (с. 112-113), в статье *шабала* ‘лопатка, которой очищают лемех во время пахоты’, ‘предплужник’ – 19 (с. 113-114), в статье же *ширзек* ‘свадебная кошма’, ‘основа кресла’ – 25 [9. С. 115-117]; и т. д. Этот корпус словарных статей в 109 единиц, даже если и не все этимологии в них достаточно надежно верифицированы, не только является основой для данной диссертации, но и может стать исходным пунктом для дальнейших исследований в рассматриваемой области финно-угорско-башкирских (финно-угорско-тюркских) языковых взаимосвязей. И на этом месте я не могу не солидаризироваться с автором диссертации, которая пишет: “Рассмотрев происхождение данных слов в славянских, тюркских, финно-угорских языках Урало-Поволжья, мы пришли к выводу, что отдельные из них можно считать приобретениями из финно-угорских языков. Необходимо отметить, что имеются спорные и сомнительные моменты. Наличие или отсутствие отдельных лексических единиц может быть восполнено в ходе дальнейшего изучения данной проблематики” [9. С. 123].

В этой же главе произведено диссертантом распределение финно-угорских заимствований в зависимости от их предполагаемых источников на 7 следующих групп [9. С. 125-143]:

- 1) из пермских (удмуртского и коми) языков – 35 лексических единиц;
- 2) из марийского языка – 28 слов;
- 3) из мордовских (эрзя и мокша) языков – 8;
- 4) из марийского или пермских языков – 8;
- 5) из марийского или мордовских – 1 слово;
- 6) из мордовских или удмуртского – 3 слова;
- 7) заимствования общефинно-угорского характера – 12.

В “Выводах” же к данной главе из общего списка отведены еще несколько слов на другие группы [9. С. 151]:

- 1) 7 слов из урало-алтайского наследия;
- 2) 3 слова являются тюркскими заимствованиями в финно-угорских.

Третья глава («Лингвистические особенности финно-угорских заимствований в башкирском литературном языке и его диалектах» – 9. С. 152-183) относительно небольшая (всего 31 с.), однако здесь рассмотрен ряд серьезных проблем, касающихся освоения финно-угорских лексических элементов системой башкирского литературного языка и башкирских диалектов. Касаясь сферы упот-

ребления финно-угризмов в башкирском языке, автор отмечает, что почти половина лексических заимствований функционирует не только в лексической системе отдельных диалектов, но и в литературном языке⁴. Интересно сравнить: финно-угризмы в татарском языке, в отличие от башкирского языка, являются достоянием преимущественно его диалектов⁵. Относительно распространения заимствований из удмуртского и марийского языков преимущественно в говорах северо-западного диалектного ареала, автор весьма справедливо замечает, что это является отражением этногенетической и ареальной соотнесенности контактирования башкирского языка с указанными восточнофинскими [9. С. 182].

Рассматривая финно-угорские заимствования в башкирском языке в рамках семантических полей “Природа”, “Человек”, “Общество”, диссертант замечает, что среди заимствованной лексики нет слов, “относящихся к космосу и атмосферным явлениям; к области духовной культуры, образования, государственного строительства, свойственных отношений; к ряду областей хозяйственной жизни, а именно к животноводству и товарно-денежным отношениям” [9. С. 182-183]. Это и понятно, поскольку существенная часть лексики, относящейся ко многим из вышеперечисленных диссертантом сфер природы, материальной культуры и духовной жизни тюркских народов, в достаточной мере была разработана еще в пратюркский период (см. соответствующие разделы кн.: [16. С. 326-371, 438-628 и др.]). Башкиры, “вступая с финно-угорскими народами главным образом в хозяйственно-бытовые отношения”, заимствовали слова, относящиеся преимущественно к следующим тематическим группам: “Пчеловодство”, “Полеводство и растениеводство”, “Ткачество”, “Рыболовство и охота”, “Орудия труда и хозяйственные приспособления”, “Дом, двор, хозяйственные постройки” [9. С. 183]. Я бы сюда добавил еще и то, что среди приведенных автором диссертации финно-угорских заимствований в башкирском языке заметную долю составляют слова, отражающие природные особенности северного лесного края, характерного места обитания восточнофинских народов.

Каждая глава диссертации завершается довольно корректными и обоснованными выводами; общие итоги исследования подведены в «Заключении» [9. С. 184-187].

Список использованной литературы, включающий 201 наименование публикаций российских (башкирских, татарских, чувашских, удмуртских, марийских, мордовских, коми, русских и др.) ученых и зарубежных специалистов [9. С. 188-208], а также список источников в 42 названия [9. С. 208-211] достаточно репрезентативны; правда, в них совершенно не представлены работы зарубежных тюркологов и финно-угроведов, опубликованные на иностранных языках.

Вместе с тем у рецензента возникли некоторые замечания к диссертации и вопросы к ее автору.

1. Многие положения автора могли бы быть более точными, отдельные этимологические выкладки были бы более надежно аргументированными, если бы диссертантом дополнительно был использован следующий, к примеру, круг научных публикаций и источников:

1) труды зарубежных ученых (напр., Ю. Вихманна, Х. Паасонена, М. Рясненна, Д.Р. Фокош-Фукса и др.) на иностранных языках о влиянии некоторых тюркских языков на финно-угорские;

2) наряду с несколькими устаревшими или весьма неполными этимологическими словарями русского языка, составленными М. Фасмером [20] и Г.П. Цыганенко [25], также и следующие издания по русской этимологии:

а) *П.Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: Т. 1–2. – М., 1993. Т. 1: А – Пантомима. – 623 с.; Т. 2: Панцирь – Я. – 560 с.;

б) серийное издание филологического факультета МГУ: «Этимологический словарь русского языка». Т. 1. Вып. 1: А (*Автор-составитель* Н.М. Шанский). – [М.:] Изд-во Московского ун-та, 1963. – 196 с.; Т. 1. Вып. 2: Б (*Автор-составитель* Н.М. Шанский). – [М.:] Изд-во Московского ун-та, 1965. – 270 с.; Т. 1. Вып. 3: В (*Под руководством и редакцией* Н.М. Шанского). – [М.:] Изд-во Московского ун-та, 1968. – 283 с.; и др.;

3) в финно-угроведении известен мордовский этимологический словарь, составленный и из-

⁴ “Среди лексических единиц, определяемых в башкирском литературном языке и его диалектах как приобретения, связанные с финно-угорскими языками, 54 слова являются литературными, из них 2 слова помечены как разговорные <...> и 52 слова являются общеупотребительными” [9. С. 156].

⁵ “В татарском литературном языке финно-угорских заимствований можно насчитывать чуть более 30 слов. Заимствований из этих языков намного больше в диалектах татарского языка. По нашим данным, всего финно-угорских заимствований в татарском литературном языке и народных говорах около 300 лексических единиц” [13. С. 143].

данный В.А. Вершининым в 5 томах (2004–2011) [3], диссертант же называет лишь первые два⁶;

4) диссертант не использовала самый полный, строгий и весьма надежный трехтомный этимологический словарь уральских языков – «Uralisches Etymologisches Wörterbuch» [36], составленный Кароём Редеей и изданный в Венгрии в 1986–1991 гг.

Хочется надеяться, что при подготовке своей диссертационной работы к печати Н. А. Мукимова по возможности несколько расширит круг использованной литературы.

2. Во многих этимологических статьях диссертант приводит ряд гипотез, существующих в лингвистической литературе, о происхождении рассматриваемого башкирского слова, зачастую не выразив своего отношения к ним, напр.:

1) слово *кәрәз* 'соты' имеет, судя по данным Н.А. Мукимовой, следующие варианты этимологии: а) "считается заимствованием из финно-угорских языков" (Н.Х. Ишбулатов и М.Х. Ахтямов, Э.Ф. Ишбердин, Р.Г. Ахметьянов, А.А. Саваткова и др.); б) мар. *карас*, *караш*, *кәрәш*, удм. *карас* – из чувашского (Ю. Вихманн, Н.И. Исанбаев); в) "чувашское *карас*, тат. *кәрәз*, башк. *кәрәз* 'соты', наоборот, являются заимствованиями с финно-угорской стороны" (М. Ряснен); г) "по своему происхождению это слово в финно-угорских языках является древним индоевропейским заимствованием" (Н.И. Исанбаев, В.Г. Егоров, Н.Р. Федотов) [9. С. 79] – однако же в конечном итоге рассматриваемое слово без какой-либо дополнительной аргументации включено диссертантом в состав марийских заимствований в башкирском языке [9. С. 132];

2) башк. *йөн* 'шерсть, руно, волос', судя по данным Н.А. Мукимовой, (а) или является удмуртским заимствованием, ср.: удм. *гон* 'пух, шерсть' (Н.Х. Ишбулатов, И.В. Тараканов, Р.Ш. Насибуллин), (б) или же имеет "древнетюркское происхождение от *йун*, *йун*; *јонаη* 'шерстяная подкладка под вьючное седло', *јйη* 'перо птицы, шерсть, пух'" [9. С. 72] – окончательный же вердикт, вынесенный без каких-либо объяснений, в «Выводах ко второй главе» такой: слово диссертантом определяется "как общеурало-алтайское наследие" [9. С. 151];

3) слово *киле* 'ступа': а) "должно быть заимствовано из финно-угорских языков еще в древности" (Э.Ф. Ишбердин); б) "от общетюрк. *кили* / *килә* 'ступа, толкушка', якут. *кали*, *кэли*; саян. *һелүкә* 'ступа', каз. *киле*, *калла* 'мялка, ступа', сиб. тат. *кейле* 'большая деревянная мялка', ср. венг. *köli*, *köjlü* 'мялка, ступа, дубина'" [27. С. 104] [9. С. 74] – на каком основании это слово в конечном итоге оказалось включенным в состав пермских заимствований в башкирском языке [9. С. 126], рецензенту не совсем понятно. И нек. др.

3. Башк. *лапы* 'валежник', 'участок леса, покрытый валежником', 'бурелом', 'чаща' автор рассматривает как марийское заимствование (< *луно* 'куча хвороста, валежник'); ср. также тат. *лапы* 'валежник', *лапылык* 'густой лес', 'место в лесу, покрытое валежником' и др. По мнению И.С. Насипова [10. С. 67], к этому корню (*лап-*) восходят еще и следующие татарские диалектные производные "с переносным значением": *лапы* 'изношенный, истрепанный, старый', 'старье, обноска, лохмотья', 'беспорядок, безалаберность', *лабылык* 'грязь, нечистоплотность, неуютность'. В говорах же башкирского языка, по мнению диссертанта, можно найти следующие производные от корня *лап-* (и его вариантов?): *лапы* 'сор', *лапы-лопо* 'мусор', *ласбық*, *луқы*, *луптыр* 'неряха', *лапылау* 'устраивать беспорядок', *луперт* 'грязь', *лыпыртық* 'грязный', *лыпы* 'неаккуратная, мешковатая одежда', *лапсыу* (*ер*) 'низина, низменность', *лапы* 'топкое место', 'грязь', *лапта* 'широкий', *ләпан* 'плашмя', *ләпкес*, *ләпкәс* 'низина, болотистое место', *ләпек* 'топкое место', *ләшә* 'болотистое место' [9. С. 88-89].

У оппонента касательно этой этимологии возникают по меньшей мере два замечания:

1) если извлечь из вышеприведенных "производных" предполагаемые производящие основы (*лап-*, *лоп-*, *лас-*, *луқ-*, *луп-*, *лүп-*, *лып-*, *ләп-*, *ләш-*), то получается, что в башкирских диалектах корневой гласный слова при словообразовании (если вышеприведенные слова в деривационном отношении

⁶ К тому же оба тома описаны не совсем точно: первый том издан не в 2005 г., и объем ее не 239 с., как у диссертанта (с. 192), а в 2004 г. объемом в 123 с.; том второй имеет объем не 123 с., а 116 с. (т. е. от 123 до 239).

⁷ Мне трудно судить, в фонетическом отношении насколько точно приведены слова из тюркских языков, но венгерские формы в таком начертании мне не удалось обнаружить в соответствующих справочниках (автором словаря источник не указан). В цитируемом Н.А. Мукимовой этимологическом словаре татарского языка, составленном Р.Г. Ахметьяновым [27], весьма часто встречаются погрешности в передаче иноязычных форм, что несколько дезориентирует специалистов, желающих пользоваться этой работой в научных целях. Погрешности в графической передаче финно-угорских форм, к сожалению, не редкие гости и в 2-томном фундаментальном исследовании «Этимологический словарь татарского языка» этого же автора [28].

действительно связаны друг с другом) может чередоваться чуть ли не с любым другим гласным: *-а- ~ -о- ~ -у- ~ -ү- ~ -ы- ~ -э-*, т. е. заднерядные (огубленные/неогубленные) с переднерядными (огубленными/неогубленными), а финальный согласный корня – с самыми различными, даже с весьма далекими по своим фонетическим свойствам, согласными: *-п(-) ~ -с(-) ~ -қ(-) ~ -ш(-)*. Если это действительно так, то оно должно быть расшифровано для читателя;

2) судя по представленным в диссертации материалам, *латы* имеет широко разветвленную сеть производных как в башкирских, так и татарских диалектах, марийское же *луно* – в деривационном плане в самом так называемом языке-источнике изолированное слово. При таком раскладе фактов скорее мар. *луно* является тюркским заимствованием, нежели наоборот.

4. Многие этимологические параллели (башк. < фуг.) в диссертации фонетически не обоснованы, ср., напр.:

1) отнесение диссертантом башк. *леп* 'подражание быстрому легкому движению' к коми *лэбны* 'лететь', мар. *лыве* 'бабочка' (Н.Х. Ишбулатов), удм. *лобаны* 'летать' (Н.Х. Ишбулатов, И.В. Тараканов) [9. С. 90] фонетически не верифицировано, поскольку реальность башк. *е* ~ удм. *о* (~ коми *э*, мар. *ы*) на других башкирско-восточнофинских лексических параллелях не продемонстрирована;

2) из-за инлаутных *-р- ~ -й-* едва ли возможно поставить в одно этимологическое гнездо башк. *тырыз* 'кузовок, кузов, короб из бересты', тат. *тырыс* 'кузовок, кузовок из бересты', чув. *търӳс* 'род бурака', с одной стороны, и удм. *туйыс* 'туесок', 'туесок из бересты' (от *туй* 'береста' с помощью суффикса *-ыс*) [9. С. 109-110, 134], – с другой: чередование/корреспонденция *-р- // -й-* для удмуртского языка абсолютно не характерно(-а), а башк. (тат., чув.) *-р-* < удм. *-й-* диссертантом не доказано с привлечением других башкирских заимствований из удмуртского языка⁸. В данном случае, по всей вероятности, необходимо солидаризироваться с И.С. Насиповым, но лишь в том отношении, "что *туйыз* и *тырыс* две самостоятельные лексические единицы", а не в том, что "обе заимствованные из финно-угорских языков" [9. С. 110; 10. С. 78]: наличие формы *тырыс* 'кузовок из бересты для ягод' в восточно-марийских диалектах и *търӳс* 'бурак из бересты' – по моим данным – еще и в кукморском диалекте удмуртского языка, то есть в наиболее тюркизированных диалектах восточнофинских языков, свидетельствует – как мне кажется – скорее о тюркском происхождении варианта слова на *-р-*; к тому же башк. *тырыз* и тат. *тырыс*, *турсык*, по мнению Р.Г. Ахметьянова [27. С. 213], имеют соответствия также и в тувинском, алтайском и др. языках [9. С. 110];

3) как по фонетическим, так и по семантическим основаниям башк. *мазай(-ыу)* 'ласкаться' невозможно этимологически увязать одновременно с такими гетерогенными словами из уральских языков, как: морд. *мазы*, *мази* 'красивый' (этимологию этих форм см.: [8. С. 179; 36. С. 697]); мар. *музо*, *мызе* 'рябчик' (этимологию см.: [36. С. 271]); марГ. *мызыр* 'мозаичный', *пыз-*, *ваз-*: *возаш*, *вазаш* 'писать' [? 8. С. 56]; коми *нас*, удм. *нус* 'знак, метка' [8. С. 217]; коми *писти* 'оспа', удм. *пужы* 'узор, вышивка' [? 36. С. 346]; коми *мич* 'краса', *мича* 'красивый и др.' [8. С. 172; 36. С. 274]; нен. *мэцай* 'разукрашенный' [? 36. С. 274], как это представлено в диссертации [9. С. 93-94]. И др.

5. Диссертант порою искомое башкирское заимствование возводит одновременно к нескольким этимологически друг с другом не связанным корням не только различных финно-угорских языков (см. выше: *мазай (-ыу)*), но и одного и того же восточнофинского языка-источника, напр.:

1) башк. *бот* 'бедро, ляжка, бедренная кость' < а) удм. *пыд* 'нога' (Н.Х. Ишбулатов, И.В. Тараканов); (?) < б) удм. *пот* 'лебеда' (о различном происхождении этих слов подробнее см.: [8. С. 223 (*пыд*) и 230 (*пот*)]);

2) возведя башк. *кэртэ* 'шест, жердь; изгородь, ограда, загородка; хлев' к удм. *карта* 'хлев, огороженное место'⁹, и далее, сославшись на М.Р. Федотова, диссертант сюда же приводит и удм. *кар* 'гнездо; городище, город' [9. С. 78-79] – однако как сам М.Р. Федотов [24. С. 232-233 (*карта*) и 227-228 (*кар*)], так и В.И. Лыткин [8. С. 116-117 (*кар*), 117-118 (*карта*)] эти слова, как известно, разводят по различным этимологическим гнездам;

⁸ "В рассматриваемых словах должны наблюдаться регулярные фонетические соответствия: при интенсивных контактах всегда возникают правила пересчета с «иностранныго» языка на родной, и таким образом звуки «иностранныго» языка получают в заимствующем языке регулярное отражение, то есть изменение звуков при заимствовании не зависит от значения слов, но может зависеть от фонетической (морфологической и т. п.) позиции" [1. С. 73].

⁹ Это курьезное по своему происхождению "удмуртское" слово требует отдельного рассмотрения.

3) башк. *ләпәкәй* и др. 'мошка, мошкара' диссертант этимологически соотносит, наряду с другими финно-угорскими формами, еще и с такими удмуртскими словами, как: а) *лапег* 'мелкий' (точнее: 'низкий') (Н.Х. Ишбулатов); б) *нымы* '(маленькая) бабочка' (точнее: 'мошка, мелкое насекомое') (Р.Г. Ахметьянов); в) *лобаны* 'летать' (М.Р. Федотов, А.А. Саваткова) [9. С. 92], – как в фонетическом, так и этимологическом отношении ничего общего между собой не имеющими (об их происхождении см.: [8. С. 157 (*лапег*), 193 (*нымы*), 165 (*лобыны*); 36. С. 237 (*лапег*), 245 (*лобаны*)]); и др.

6. Диссертант с подачи своего научного руководителя И. С. Насипова [13. С. 70], без проверки по надежным источникам, ошибочно толкует происхождение удмуртского слова *пушмульы* 'орех' как сложение основ *пуш* 'внутренний' и *мульы* 'ягода, плод' [9. С. 95, 179], хотя финно-угорские этимологические словари вполне обоснованно видят в этом слове сочетание ныне связанного, самостоятельно не употребляющегося в современном удмуртском языке, корня *паиш-* ~ *пуиш-* 'орех' < финно-перм. **päškz* 'орех', ср.: фин. *pähkinä*, мордЭ. *pešt'e*, мар. *pükš* 'орех', удм. *paš-pu* 'орешина' (*pu* 'дерево'), *puš-mul'j* 'орех' с *мульы*: *mul'j* 'ягода', 'орех' ([36. С. 726-727]; см. также: [8. С. 217]). (Этимологию удм. *пуш* 'внутренний; внутренность' см.: [8. С. 237].)

7. В целом же диссертация выполнена на достаточно высоком научном уровне, технически оформлена грамотно, орфографические или пунктуационные ошибки минимальны. Если какие ошибки и встречаются, то они нередко связаны с передачей на письме иноязычных форм и праязыковых реконструкций, напр.: фин. *puuhu* [9. С. 41] – вместо *riihi* 'рига, овин'; с пометой "по В.И. Лыткину и Е.С. Гуляеву": удм. диал. *сюрд* 'роща', общеперм. *cöpd* 'вид леса' // венг. *crdo* 'лес, роща' [9. С. 71] – хотя у В.И. Лыткина и Е.С. Гуляева как-то иначе: удм. диал. *surd* (= *cүрд*. – В. К.), общеперм. **sörd*, венг. *erdő* [8. С. 261]; в предложении: "Как татарский, так и башкирский заимствовали оба варианта (**йәтмә* / *әтмә*) после завершения перехода *дб*э > а*" [8. С. 73] – трудно понять, что перешло в *а*; и т. д., и т. п.

Тут уместно заметить, что ряд неточностей диссертанта обусловлен некритическим использованием языкового материала из работ отдельных финно-угорских и тюркских авторов, которые порою иноязычные формы дают с массой погрешностей против орфографии языка-источника (напр.: [2; 18; 19]) или же в транслитерации на кириллической графической основе (используя свой национальный либо русский алфавит или финно-угорскую/тюркскую транскрипцию на кириллице) (напр.: [2; 4; 5]). Судя по иллюстративным материалам, извлеченным диссертантом из лингвистической литературы, в этом отношении достаточно часто грешат в своих публикациях также и башкирские исследователи (в отдельных случаях мне в весьма солидных словарях не удается отыскать реальные финно-угорские соответствия словам, приведенным ими), напр.:

С.Ф. Миржанова – венг. *лап* (э: *láp*) 'болото', *лапаш* (э: *lapos*) 'плоский, пологий, низменный' [9. С. 49], мар. *нөрө* (э: *nörö*) 'сырой, влажный', фин. *норо* (э: *noro* 'лощина; низина; западина') 'ложбина' [9. С. 100];

З.В. Шайхисламова – венг. *месек*, *мечек* 'гора' (э: ?), венг. *сар* (*шар*) (э: *sár* 'грязь, шлам') 'поток' [9. С. 49];

А.А. Камалов – коми *норыс* (э: *nörys*) 'гора увал'; венг. *нөг* (*нег*) (э: ?) 'изгородь' [9. С. 49];

Н.Х. Ишбулатов – мар. *нөр* (э: *нер*) 'нос'; коми *сон* (э: ?) 'озеро', *јог*, *јој* (э: ?) 'река'; венг. *тоо* (э: *tó*) 'озеро' [9. С. 49-50];

Р.Г. Ахметьянов – мордЭ. *кант* (э: *кансть*), коми *кэнтус* (э: *көнтусь* = в финно-угорской транскрипции *kentus*) 'конопля' [27. С. 105] [9. С. 75]. И т. д., и т. п.

Ученые (особенно молодые), цитируя подобные научные публикации с массой неточностей и ляпсусов, вынуждены тиражировать чужие ошибки, что иногда и случилось с автором рецензируемой диссертации, или проверять и перепроверять приведенные в них языковые материалы по первоисточникам, что весьма накладно для исследователя. Между тем ни для кого не секрет, что серьезное этимологическое исследование с применением фонетического критерия верификации его результатов невозможно при неточной (ошибочной) передаче состава фонем в материалах из других языков.

Разумеется, в таком большом, сложном и трудоемком исследовании, как кандидатская диссертация Н.А. Мукумовой «Финно-угорские заимствования в башкирском языке», которая требует детальной разработки каждого языкового явления и любого факта, можно найти ряд пробелов, неточностей и неувязок. Однако высказанные мною замечания и вопросы отнюдь не снижают высокого в целом научного уровня диссертации, они большей частью носят если не дискуссионный, то по крайней мере рекомендательный характер и имеют целью уточнить, прояснить или предложить иные воз-

возможные направления и пути дальнейшего осмысления некоторых положений диссертации. Автору диссертации есть, как мне кажется, над чем еще поработать, поскольку исследование имеет теоретическую и практическую значимость не только для башкирского языкознания, на чем настойчиво акцентирует свое внимание его автор [9. С. 10], но также и для финно-угристики и конкретно удмуртского языкознания: ее материалы могут быть использованы при написании учебных пособий по современной и исторической лексикологии удмуртского языка и др. восточнофинских языков, при составлении этимологических словарей, при чтении вузовских курсов по контактологии и т. д. И мое предложение диссертанту Н.А. Мукимовой опубликовать результаты своих изысканий по теме диссертации отдельной монографией – это отнюдь не досужий вымысел, а настоятельная необходимость. Она могла бы стать одним из настольных пособий и для тех, кто хотел бы продолжить научные изыскания в данном направлении.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ЯЗЫКОВ

башк. – башкирский; *венг.* – венгерский; *каз.* – казахский; *мар.* – марийский; *марГ.* – горномарийский; *морд.* – мордовские; *мордЭ.* – эрзя-мордовский; *нен.* – ненецкий; *общеперм.* – общепермский язык; *общетюрк.* – общетюркское; *саян.* – саянский; *сиб. тат.* – язык сибирских татар; *тат.* – татарский; *удм.* – удмуртский; *удм. диал.* – удмуртская диалектная форма; *фин.* – финский; *финно-перм.* – финно-пермский язык-основа; *фуг.* – финно-угорские языки; *чув.* – чувашский; *якут.* – якутский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2005.
2. Бутылов Н.В. Тюркские заимствования в мордовских языках. – Саранск, 2005.
3. Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского языков). Йошкар-Ола. Т. I. – 2004; Т. II. – 2005; Т. III. – 2005; Т. IV. – 2009; Т. V. – 2011.
4. Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1: Татарские и башкирские заимствования / Мар. НИИ языка, лит. и ист. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989.
5. Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2: Словарь татарских и башкирских заимствований / Научный центр Финно-Угроведения. Мар. НИИ языка, лит. и ист. Йошкар-Ола, 1994.
6. Камчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание: учеб. пособие. 8-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009.
7. Лукоянов Г.В. Марийские заимствования в чувашском языке. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1973.
8. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкознания; Коми филиал. М.: Наука, 1970.
9. Мукимова Н.А. Финно-угорские заимствования в башкирском языке: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014.
10. Насипов И.С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке / АН РТ. Ин-т яз., лит. и искусства. Казань, 2009.
11. Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Марийские заимствования в татарском языке: монография / Стерлитамакская гос. пед. академия. АН РБ. Стерлитамакский филиал. Стерлитамак, 2009.
12. Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Мордовские заимствования в татарском языке: монография. Тобольск: ТГСПА, 2013.
13. Насипов И.С. Языковые контакты в Волго-Камье. Удмуртские заимствования в татарском языке: монография / Стерлитамакская гос. пед. академия. АН РБ. Стерлитамакский филиал. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013.
14. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филол. факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005.
15. Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
16. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / РАН. Ин-т языкознания. М.: Наука, 2006.
17. Тараканов И.В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: учеб. пособие по лексикологии удмуртского языка для студ. высш. учеб. заведений / Удм. гос. ун-т. Каф. удм. яз. и лит. Ижевск, 1981.
18. Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982.
19. Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I – IV. – М.: Прогресс, 1986.

21. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965.
22. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968.
23. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Саратовского ун-та. Саран. филиал, 1990.
24. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / Чув. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 1996. Т. 1: А–Р.
25. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – Киев: Радянська школа, 1989.
26. Шелепова Л.И. Русская этимология: теория и практика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2007.
27. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленен кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001.
28. Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: Ике томда. Т. I–II том. Казан: Мәгариф – Вакыт, 2015.
29. Beke Ö. Türkische Einflüsse in die Syntax finnisch-ugrischer Sprachen // KSz. – (Budapest) 1913–1915. XV. szám.
30. Bereczki G.A. Volga-Káma-vidék nyelveinek areális kapcsolatai // Areális nyelvészeti tanulmányok. Budapest: Tankönyvkiadó, 1983.
31. Csúcs S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990.
32. Munkácsi B. Votják nyelvtanulmányok // NyK. (Budapest) 1884. XVIII. szám.
33. Paasonen H. Die türkischen Lehnwörter im mordwinischen. JSFoU. 15. Helsinki, 1897.
34. Räsänen M. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920.
35. Räsänen M. Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1923.
36. K. Rédei. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. I–III. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.
37. Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek őspermi kori bolgár-török jövevényszavai // NyK. (Budapest) 1973. 2 (74). szám.
38. Rédei K., Róna-Tas A. A bolgár-török-permi érintkezések néhány kérdése // NyK. (Budapest) 1975. 1 (77). szám.
39. Rédei K., Róna-Tas A. Óspermi és votják jövevényszavak a csuvasban // NyK. (Budapest) 1980. 1–2 (82). szám.
40. Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903.
41. Wichmann Y. Die türkischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1923.

*В.К. Кельмаков,
доктор филологических наук, профессор
Удмуртский государственный университет*